

Галина Тарабрина

Неизвестное

Галина Тарабрина

Неизвестное

«Автор»

2026

Тарабрина Г.

Неизвестное / Г. Тарабрина — «Автор», 2026

Эта книга — попытка уловить ускользающую суть бытия. Здесь есть место смеху и слезам, потерям и обретениям. Каждый рассказ — это слепок реальности, в которой привычное вдруг становится фантастичным, а невероятное — обыденным. Сборник о том, что жизнь — самый искусный автор. Она пишет наши судьбы с таким сюрреализмом и точностью деталей, какие не под силу ни одному роману. Убедитесь в этом сами.

© Тарабрина Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Галина Тарабрина

Неизвестное

Глава 1

МАМА

Ты когда-нибудь задумывался, что мать — это единственный человек на земле, который знал тебя ещё до того, как ты родился? До того, как у тебя появилось имя? Она носила тебя девять месяцев. Внутри. Под сердцем. Каково это — носить внутри себя человека, который однажды скажет тебе: "Отстань"? Каково это девять месяцев чувствовать, как под сердцем бьётся вторая жизнь, а потом, через пятнадцать лет, слышать, как эта жизнь кричит тебе в лицо: "Ты мне никто"?

Она знала. Она всё знала и обо всё догадывалась ещё до твоего рождения. И всё равно рожала тебя. Потому что её любовь — это её приговор. Пожизненный.

Потом родила тебя и стала носить тебя уже не под сердцем, а в сердце, и ещё в какой-то невозможной точке, которая болит сильнее, чем любая её боль.

Вспомни. Ты маленький. Тебе пять. Зима. Ты болеешь. Температура шпарит под сорок, и мир для тебя — это мутная каша, в которой плавают тени. Ты не различаешь, где день, где ночь. Ты различаешь только одно — её руку на своём лбу, её голос. Она сидит рядом. Не уходит. Не спит. Меняет компрессы, шепчет что-то бессмысленное, но это единственное, что удерживает тебя от того, чтобы не сорваться в чёрную яму забвения. Конечно, ты не запомнил этого. Это понятно. Ты не вспомнишь, как она дрожала от усталости, как она молилась, только бы жил. Только бы дышал. Готова была отдать всё что угодно, но только бы ты открыл глаза. Ты никогда этого не узнаешь. Она тебе не расскажет. Потому что любовь, если она настоящая, не предъявляет счётов за ночные бдения.

А теперь тебе пятнадцать. Ты вырос. Ты хлопаешь дверью. Она остаётся с той стороны. И там, с той стороны, она умирает. Не физически — хуже. Она умирает в своей любви. Стоит, прижавшись лбом к двери, и не издаёт ни звука, но слёзы текут. Она слышит, как ты включаешь музыку. Слышит твоё безразличье. Ты даже не представляешь, что в эту секунду она чувствует. В ней всё ломается. Безжалостно больно. Ломается внутри то, что держало её всю жизнь. Но она всё равно встанет. Поломанная.

Всё равно утром сделает тебе завтрак. Не упрекнёт. Даже, возможно, сможет улыбнуться.

Есть одна сцена. Я не могу её забыть, хотя видела мельком, краем глаза, случайно.

Мать стоит у окна. Не плачет. Просто смотрит. Руки опущены. Она смотрит на улицу, а там — ты. Ты уходишь. Тебе пятнадцать, двадцать, тридцать — неважно. Ты уходишь, не обернувшись, и весь мир для неё сжимается до размера твоей удаляющейся спины. Она не окликает. Не машет. Она просто стоит и впитывает твой силуэт, запоминает. Она знает, ты вернёшься. Но она также знает и другое: каждый твой уход — это маленькая её смерть. Тренировка. Репетиция того дня, когда ты уйдёшь для неё навсегда. И она тренируется всю жизнь — отпускать. По миллиметру. По шагу. По гудку поезда. По чуть-чуть. А если без тренировки, то сердце не выдержало бы.

Помнишь комнату?

Твою комнату. Ты уже взрослый. Вещи раскиданы. Пахнет тобой, чем-то невыносимо твоим. Она входит, когда тебя нет. Садится на край твоей кровати. И сидит. Кладёт ладонь на твою подушку. Закрывает глаза. В этой одинокой темноте, в этой тишине она разрешает себе то, что не разрешает при тебе — быть слабой. Быть той, кто любит тебя до немоты. Она сидит так минуту, две, час. Ей так надо. Потом встаёт, поправляет одеяло, выходит. И ты снова

видишь перед собой обычную, суетливую, ворчащую женщину. Привычную маму. И тебе в голову не приходит, что у твоей кровати, произошло таинство. Месса. Литургия любви, на которую тебя не позвали. Не позвали из жалости. Потому что ты бы не вынес её силы. Тебя берегли.

А ты замечал, что чаще всего она ест после всех? Доедает. Ты никогда не замечал, что она берёт не лучший кусок, а тот, что с краю. Присмотрись.

Она не смотрит на тебя, когда ты говоришь ей гадости. Боится, что ты увидишь, как твои слова больно входят в неё. Бережёт своё сердце.

Она не просит прощения после ссор. А находит момент, когда ты уже остыл, и ставит на стол блюдо, которое ты любил в детстве. Ты думаешь это еда? Это не еда. Это белый флаг. Это капитуляция её гордости перед твоей жестокостью, перед твоей неблагодарностью.

А ты принимаешь это как должное. Ты принимаешь это так, как будто кто-то ещё в этом мире способен на такое.

А знаешь, что самое страшное? Она уже не ждёт твоего внимания, да что там, простой благодарности не ждёт. Вообще. Она не копит обиды. Она как вода перед тобой. Ты можешь плевать в неё, бросать камни, забывать о её существовании. А она всё будет покрывать, забывать, прощать, двигаться и жить во имя тебя. Просто потому, что по-другому не умеет. Она не выбирает любить тебя или не любить. Она любит, потому что перестать тебя любить — значит умереть самой.

А ты звонишь ей раз в месяц. Или в два. Или когда что-то нужно. Угадала?

И говоришь быстро, скупно, будто отмахиваешься. А она всё слышит.

Она слышит в твоём голосе только одно: ты не хочешь разговаривать. Но она всё равно радуется. И этому научилась радоваться. Ты приучил. Радует, как ребёнок, которому дали самую лучшую конфету. Этой малости от тебя. Этому огрызку твоего внимания. Ей хватает. Понимаешь? Ей хватает твоего "нормально" и "потом перезвоню". Она кладёт трубку и ещё несколько минут смотрит на неё с надеждой, будто ты захочешь ещё раз перезвонить. Смешная.

А ты? А ты и думать забыл, ты в это время уже листаешь ленту, смотришь чужие смешные видео, переписываешься с теми, кто тебе никто, кому до тебя, на самом деле, нет никакого дела.

Ты тратишь своё время, свои лучшие слова на чужих людей. Стараешься угодить. Трастишь себя на тех, кто никогда не встанет ночью, если тебе будет плохо. На тех, кто не отдаст тебе последнее. А ей? А ей достаются объедки. И она ими давится, но улыбается.

Ты забыл, как она стояла над твоей кроватью, когда ты ещё не умел говорить? Как её качало от усталости, но она продолжала петь для тебя? Помнишь, как она целовала твои крошечные пальцы и плакала от того, что ты — есть? Ты есть. Просто есть. А теперь ты не можешь найти для неё и пяти минут, потому что тебе "не о чем с ней говорить". Неужели?

Ты остаёшься навсегда её незакрытым гештальтом. Её вечным долгом. Ты её самая длинная молитва. Она может не верить в Бога, но она верит в тебя. Она может разувериться и разочароваться во всём: в людях, в справедливости, в этом мире, в себе. Но в тебе — никогда. Ты — её последний аргумент, что её жизнь была не зря.

И самое предательское то, что мама стареет. Да, она стареет.

Ты не замечаешь?

Некогда? Да это понятно.

Ты смотришь сквозь неё, как сквозь воздух. А воздух, между тем, редееет. Она уже не та, что таскала тебя на плечах. Она уже не та, что бежала за твоим мячом. Она уже не та, что могла не спать трое суток. Она тихо, по миллиметру, уходит. Сначала забывает, куда положила очки. Потом долго может смотреть на твою фотографию, будто не веря, что этот взрослый человек — тот самый мальчик, которого она купала в тазике и вытирала самым лучшим полотенцем.

Потом, незаметно, начинает путать дни недели. Потом звонит тебе без повода и молчит в трубку. А ты раздражаешься: "Что звонишь? Говори быстрее. Я занят". А она просто хотела убедиться, что ты есть. Что ты жив. Что она не зря.

А ещё она когда-то умрёт. Да. И не в каком-то абстрактном "когда-нибудь". А конкретно. В какой-то вторник. Или в ночь с воскресенья на понедельник.

Однажды наступит этот день.

Ты будешь стоять в морге и смотреть на её руки. На те самые, что перепелёвывали тебя, вытирали твои слёзы, месили тесто, обнимали тебя в твоих маленьких бедах. Они будут неподвижны. И вот тогда ты поймёшь, что с их остановкой из мира ушла не просто женщина. Из мира ушла твоя единственная точка опоры. Твой тыл. Твой личный заступник. Твоя невидимая стена, о которую часто разбивалось любое твоё горе, потому что она всегда вставала в проёме между тобой и хаосом этого мира. Защищала.

И ты будешь сидеть и вспоминать, как она резала тебе хлеб. Как намазывала масло до самых краёв, а ты злился. А ведь уже никто так не намажет. Как смотрела, когда ты был маленьким, как пахли её волосы, когда ты зарывался в них лицом. Вспомнишь, как она говорила тебе "береги себя", когда ты выходил из дома. Каждый раз. Без исключений. Даже когда ты хлопал дверью, не успев дослушать.

И вот тогда, ты завоеешь.

Не закричишь. Не заплачешь. А завоеешь — тихо, глядя в пол, потому что осознаешь, что ты никогда не говорил ей "спасибо". Никогда не говорил "прости". Никогда не видел, как она живёт, что её волнует. Ты даже не замечал, что она делает для тебя.

...Ты будешь перебирать её вещи. Найдёшь свои детские рисунки. Сломанную игрушку. Письмо, которое ты написал ей в детстве. Найдёшь её дневник, а там ни одной жалобы. Ни одной строчки обиды. Только одно: "Сегодня звонил. Слышала его голос. Счастлива". И ты заплачешь навзрыд, как ребёнок, потому что поймёшь: она жила тобой, от звонка до звонка.

А ты?

А ты от лайка до лайка.

И теперь, когда её нет, ты захочешь только одного, чтобы она была. Чтобы постучала в дверь. Чтобы вошла. Чтобы спросила, поел ли ты. Чтобы просто села рядом. Но никто не войдёт. Никто и никогда не будет любить тебя так. Вообще никто. Потому что так умеет любить только мать. И ты это знал. Знал и всё равно жил бездушно.

Ты не благодарил. Ты не обнимал. Ты не говорил "люблю". Ты думал — успеется. Вот теперь успелось. Пустота. Навсегда.

Ты слышишь, как в комнате тихо? Как никогда не было тихо при ней. Ты выходишь. Мир тот же. Солнце светит так же. Даже птицы поют. Люди куда-то идут. А у тебя внутри — всё обрушилось. Ты садишься на ступеньки и впервые плачешь. Не скупно, не сдержанно, а во всю глотку, как в детстве, когда разбил коленку. Но теперь коленка не болит. Болит другое. Болит то, что она больше никогда не выйдет из кухни с чашкой твоего любимого чая. Никогда не скажет: "Надень шапку". Никогда не обнимет так, как обнимала только она.

Так вот. Однажды ты приедешь к ней слишком поздно. Когда уже не надо будет никуда спешить, не надо будет отмахиваться, не надо будет смотреть в телефон. Будет пустая квартира. Будет тишина. Будет её халат, висящий на крючке. Будет её любимая чашка. Будут её лекарства. А ещё будет твоя тупая, животная, невыносимая боль, от которой уже не спрятаться за экраном.

И тогда ты поймёшь, что жил, как вор. Украл у неё время. Украл у неё слова. Украл у неё себя. И вернуть уже ничего нельзя. Ни-че-го.

Но если ты читаешь это сейчас, и твоя мама жива — остановись.

Лучше не читай дальше. Лучше встань. Возьми телефон. Набери её номер. Прямо сейчас. Не важно сколько тебе лет, не важно, что ты звонил ей только вчера.

Скажи ей: "Мама, я звоню просто так. Я просто хотел услышать твой голос".

И послушай, как на том конце ликует тишина. Слышишь?

Как она, задыхаясь, начинает спрашивать, всё ли в порядке. Какая в её интонации — паника, потому что ты звонишь не по расписанию и без повода, просто так.

Она к этому не привыкла...

И скажи ей то, чего не говорил никогда. Скажи ей те слова, которые ты забыл как выговариваются. Даже если не привык, скажи через силу. " Мама, я люблю тебя. Ты — единственная, кто любит меня без условий. И я хочу, чтобы ты знала, что это взаимно".

Это не сложно. Попробуй.

И ты услышишь в трубку сдавленный всхлип. И поймёшь, что ради этого звука стоило позвонить. Да что там позвонить, ради этого стоит жить.

Не благодари. Лучше просто скажи ей. Сегодня. Сейчас. Пока ты ещё сын (дочь). Пока она ещё есть. Пока ещё есть ты.

А если её уже нет — тогда просто сядь. И не сдерживай себя. Потому что слёзы по матери — это не слабость. Это разговор с ней на языке твоей обнажённой, оголённой, пронзительной благодарности, которую ты осознал очень поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.